

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

На правах рукописи

СЕДАКОВА Ольга Александровна

УДК 801.3.1 (043.3)

ОБРЯДОВАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ И СТРУКТУРА
ОБРЯДОВОГО ТЕКСТА
(ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВОСТОЧНЫХ И ЮЖНЫХ
СЛАВЯН)

Специальность: 10.02.03 – Славянские
языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 1983

Работа выполнена в Секторе структурной типологии
Института славяноведения и балканистики АН СССР

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Вяч. Вс. Иванов

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук, профессор Б.А.Успенский
кандидат филологических наук С.М.Толстая

Ведущая организация – Институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-
Маклая АН СССР (г.Ленинград)

Защита состоится *22 мая* 1984 года в *16⁰⁰* час
на заседании специализированного совета Д 002.97.01
при Институте славяноведения и балканистики АН СССР
(г.Москва, Ленинградский пр., д. 7).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики АН СССР (Трубниковский пер.,
д.30-а)

Автореферат разослан *12.04.* 1984 г.

Учёный секретарь
специализированного совета

Г.К.Венедиктов

Проблема исследования и ее актуальность. Изучение славянских древностей необыкновенно активно и разносторонне развивается в отечественной науке последних десятилетий, объединяя усилия историков, этнографов, археологов, фольклористов, лингвистов. Исследования Б.А.Рыбакова, С.Н.Токарева, Л.Д.Поболя, К.В.Чистова, Вяч.Вс.Иванова, В.Н.Топорова, Н.И. и С.М.Толстых, Б.А.Успенского, Н.Н.Велецкой, А.В.Гурн, О.А.Терновской, Г.А.Левинтона, А.К.Байбурина и многих других по-новому ставят традиционные проблемы славянского культурного наследства. Фундаментальными исследованиями в этой области обогатилась и зарубежная славистика (монографии и статьи К.Мешинского, Ш.Кулишича, Х.Довмянского, Э.Гаспарини, Б.Мериджи и др.). Лингвистике принадлежит особая роль в комплексном изучении духовной культуры славян: она состоит не только в том, что языковые факты дополняют и проясняют данные археологии и фольклористики, но, что, может быть, важнее, лингвистика вносит в общее изучение славянской культуры разработанные ею современные методы системного рассмотрения материала и анализа текстов, внутренней и внешней реконструкции. Предмет диссертации — терминология погребального обряда восточных и южных славян в ее связи с общей структурой и семантикой обряда. Изучение народной терминологии в широком экстралингвистическом контексте стало обязательным принципом современных славистических исследований. Важно дальнейшее уточнение принципов сопоставления лингвистического и экстралингвистического планов, и способствовать этому должно рассмотрение экстралингвистического плана — предметно-действенного состава обряда — как организованного целого, невербального текста, обладающего собственной функциональной структурой и своего рода синтаксисом. Состав и структура обряда варьируются на славянской территории — таким образом, для реконструкции "исходной", общеславянской формы необходимо внимательное рассмотрение синхронного среза обрядности, о чем как об актуальнейшей задаче славистики писал П.Г.Богатырев. Наше исследование рассматривает материал XIX—XX веков как относительно синхронное состояние, так что в анализе общей структуры обрядового текста мы имеем дело не с "исходными" и "позднейшими" элементами, а с "инвариантными" и "варьирующимися". В перспективе такой анализ связан с реконструкцией праформы обряда и выяснением путей его эволюции (чем объясняется привлечение летописных

и исторических параллелей к современным фактам) вследствие внутреннего изменения или контактов с иноэтническими культурами. Выяснение же древнейшей формы погребального обряда славян, одного из характернейших показателей культуры, должно способствовать решению проблемы славянского этногенеза.

Цель и задачи исследования. Прежде всего, это обзор лингвистических и, в связи с ними, этнографических и фольклорных данных о погребальном обряде, к настоящему моменту удовлетворительно не изученных. Затем, это применение методов анализа, выработанных в лингвистике и фольклористике, к невербальному тексту обряда. Наконец, это интерпретация семантики и символики, заключенных в лексике и предметно-действенном составе обряда, в связи с общими содержательными характеристиками славянских языковых моделирующих систем, которые репрезентированы также в других обрядах и фольклорных текстах разных жанров, в традиционной метафорике и фразеологии славянских языков.

Научная новизна исследования состоит прежде всего, в том, что это - первая попытка рассмотрения погребального обряда указанного региона и его лексики в целом (существующие исследования посвящены отдельным фрагментам обряда). Дальнейшее расширение объекта исследования, географическое и историческое, может использовать предложенную здесь схему и ее интерпретацию, внося соответствующие коррективы и дополнения.

Практическая ценность исследования заключается: в возможности сбора нового этнографического и лингвистического материала по программе, составленной на основании общей суммированной схемы обряда, в студенческих и научных экспедициях; в привлечении систематизированного материала для общего энциклопедического словаря духовной культуры славян; в использовании результатов исследования в спецкурсах по славянским древностям для историков, филологов и этнографов. Предложенные методы анализа обрядового синтаксиса могут быть использованы при изучении других обрядов.

Апробация диссертации. Диссертация была обсуждена в Секторе структурной типологии Института славяноведения и балканистики; с докладами по ее теме автор выступал на всесоюзных симпозиумах (Тарту 1975 г., Москва 1979, 1982, 1983 гг.). Программа сбора материала по погребальному обряду и его лексике использовалась в научных экспедициях в Полесье (1974-1983 гг.), в Архангельскую об-

ласть, в Молдавскую ССР (болгарские села).

Структура диссертации: Диссертация состоит из введения, пяти глав и заключения. В приложении к диссертации приводится: программа сбора материала по погребальной обрядности славян; четыре предметно-тематических словаря ("Обрядовые акты и их исполнители"; "Обрядовые кушания"; "Гроб, могила и погост"; "Некоторые части жилища и утварь в обряде"), индекс лексики и фразеологии, связанной с обрядом; географический индекс и библиография.

Специфическая черта терминологии славянского погребального обряда - ее преимущественно метафорический характер. Для выяснения принципов номинации обрядовых реалий, прямое обозначение которых табуировано, недостаточно простого описания предметно-действенного состава обряда. Метафоры описательной лексики и фразеологии не столько отражают физические признаки обрядовой реалии, сколько интерпретируют эту реалию в связи с некоторыми общими представлениями, которые, наравне с лексикой, репрезентированы в невербальном тексте обряда. Так, именованья 'гроба': болг. габр. пучивалу, укр. тверде ложе основаны на метафоре смерть ~ сон; арханг. домовище, болг. кѣща, србхрв. кућа - на метафоре гроб ~ дом; такая лексика, как новг. ларь, болг. сандѣк, описывает 'гроб' как "нейтральный", не связанный с погребальной сферой предмет (эвфемизм). Вычленяя в каждом акте обряда, рассматриваемом по аналогии с фразой, и в обрядовом тексте в целом следующие планы: акционный, агентный (исполнители актов), предметный (обрядовые реалии), мы получаем ряд репрезентаций некоторых общих представлений содержательного уровня, символизированных в каждом из планов специфическими для него средствами. Так, одна из тем содержательного уровня, смерть ~ свадьба, репрезентирована: в акционном плане - имитацией свадебного шествия, венчания умершей девушки с живым; в агентном плане - преобладанием молодых исполнителей обряда в похоронах незамужней, особой обрядовой ролью "вдовца"; в предметном плане - свадебной одеждой, венчальной свечой, венчальной скатертью (употребляемыми на общих похоронах) и реалиями, прямо перенесенными из свадебного обряда в похороны незамужних (свадебное

знамя, венчалное деревце, перстень и др.). На том же сближении понятий основаны метафоры обрядовой лексики: укр. карп. дру́бои, 'носилишки гроба девушки'; полес. за́мук соби́ра́нця (об умирающей); полес. корова́й, погребальный хлеб. В обрядовой поэзии образ "унылой свадебки", "смутне весі́ле" развивается как сюжет: "Тайного князя обібрала собі́ . /Зі́ смертю одружилася". Аналогии отношениям элементов акционального, агентного и предметного уровней составляют единицы логико-синтаксического уровня языка: акциональный план соотносится с планом сказуемого, агентный - с планом подлежащего, предметный - соответствует объектному и инструментальному дополнению. При наличии нескольких "кодов" выражения общей символики целесообразно начать рассмотрение обрядовой лексики и предметно-действенной структуры обряда с анализа содержательного уровня обрядового текста.

Первая глава рассматривает элементы содержательного уровня, темы. Общая семантика погребального обряда соответствует типологической специфике п е р е х о д н ы х обрядов (*les rites de passage*). В обряде ритуально закрепляется перемена статуса человека, осмысленная в пространственных категориях вн-хода из одного локуса (ср. костр. внход - 'смерть') и входа в другой. Жизнь и смерть противопоставлены пространственно, как "этот" и "иной" (болг. този, сев.-русск. о́нный) свет, причем пространственные представления "иного" мира у славян сложны и противоречивы. Основные характеристики содержательного уровня славянских языковых моделирующих систем на широком славянском материале были показаны Вяч.Вс.Ивановым и В.Н.Топоровым в виде набора бинарных оппозиций. Одна из этих оппозиций, жизнь/смерть, является центральной для погребального обряда и его лексики и в обоих случаях выражается через ряд других, изоморфных ей, оппозиций (мужское/женское, день/ночь и т.п.). Замещение оппозиций "на поверхности" дает устойчивые традиционные метафоры (в широком смысле метафоры; т.е. архаической альтернативы позднейшего понятия), такие, как смерть~тьма (слепота, невидимость), могила(гроб)~дом. Такие метафоры, являющиеся элементами содержательного уровня обрядового текста, обозначаются как темы (Т). Специфическими для погребального обряда оказываются три темы: смерть~доля, смерть~путь, могила(гроб)~дом.

С темой "доли" связано разграничение "своей" и "не-своей"

смерти, некогда формировавшее разные типы погребального обряда. Следы этого разграничения сохранила лексика "чистых" и "нечистых" покойников, т.е. "не избывших своего века" (что впервые в русской науке отметил Д.К.Зеленин) или "переживших век" (ср. русск. чужой век заедает - о слишком долго живущем старике). В представлении века окивает архаическая индоевропейская семантика (**wek-* < **weik-* < **vei/voj-*) 'жизненная сила', *vis vitalis*. Представление доли (иногда персонифицированное как Доля) покрывает оба члена оппозиции жизнь/смерть: доля (болг. късмет) умершего - это его жизнь, имущество (дом, скот, хлеб - в том числе, плодотворяющая сила скота и хлеба, спора, которую умерший может "унести" из дома) и, одновременно, доля - это смерть, "своя смерть". Слав. **sz-* *szьr-* *szьr-* и именованья связанных с ее семантикой персонажей, как Мара и под; восходят к и.-е. ряду **mer-* / *mor-* / **mr-*, в котором значение 'смерти' соединено со значением 'части', доли; эти славянские персонажи нижней мифологии, несомненно, аналогичны греческой Мойре, *μοῖρα*, связанной с тем же рядом, - при том, что функции Мойры по частям распределены между сев.-русск. Мáрой, Кикиморой (пряжа) и укр. Марá (сестра Сна, персонификация "умирания"), блр. Мáра (привидение, тень). Исходное значение слав. *boǝz, реконструированное как 'доля', 'часть', участвует в лексике, означающей 'умершего', во всех славянских языках: блр. небóшик, нябóжчик, укр. небóго, небóжчик, чешск. nebožtík и др., обозначая при этом и нищего. Однако богатство в той же мере, что нищета, является признаком загробного мира: "долю" живым "засылают деды". Реальным воплощением "доли" в обряде оказывается хлеб и еда вообще (синонимия хлеба ~ доли подтверждается, в частности, характерной славянской лексикой 'урожая', 'хлеба в зерне', использующей указанный корень *boǝ* -: укр. збóжка, збóжка, блр. збóжка, польск. zboże и др. < слав. **sz-* *boǝz-* *ja*, а также материалом болгарских родопских клятв и проклятий: "Да ме убíе хлáбьт", "Лáбо да го фáne за очíte" и под.). Один из основных мотивов погребальных актов - деление живых с умершим, выделение умершему его доли; сохранение живыми своей доли. В акциональном и агентном планах обряда этот мотив выражается рядом жертв, которые родные отдают "заместителям умершего": ср. термины таких актов - болг. дава дáрове пряз умрjалото, влад. подавáть через грóби, закарп. берé за гóлову, зап.-укр. подáўник,

влад., казан. встречник, стрешник, костр. перва встреча и др. Участие в фразеологии этих актов дериватов и.-е. *ad-, *ber- (а также синонимов глаголов братъ, давать:принять, отпустить и под.) и в лексике 'кончины' (русск. отдать душу, болг. берё душа, дава душа, бранё душа) обнаруживает исходную взаимную семантику данных корней, столь же актуальную для свадебного обряда. С ними соотносится ряд фразеологизмов 'обрядовых актов', использующих дериваты слав. vod-/ved, nos-/nas- (болг. пренясяне, лятаргия, волог. вести душу, полес. водитъ душу, проводн душики, русск. носить, хоронить, арханг. Макарүшка носить, полес. носить снадать второй день по погребению и др.). В самой яркой форме взаимное значение братъ-давать в обряде выражает поминальная трапеза, участники которой одновременно являются приносящими и принимающими жертву.

Тема пути - второй характернейший символ похорон как переходного обряда (ср. болг. пътнина - 'обрядовый хлеб', 'деньги', варн. трапеза в день смерти; комр. 'свечи на гробе'; комр. пътненци 'полотенца, которые раздаются в день смерти'; болг. плев. пътник 'умерший', комр. 'заупокойный хлеб'; болг. е на пътя, пътүва 'умирает', влад. подорожна 'погребальная жертва', витеб. збища з дороги, збитъ с пътя 'затянуть агонию' и под.). Тема пути репрезентирована в обряде несколькими конкретными и равноправными метафорами. Одна из них: путь - мост - водная стихия - реализует отмеченный Э.Бенвенистом в и.-е. *pont- синкретизм этих представлений. Путь в загробный мир по морю (реке) или через море (по мосту) выражен и обрядовыми актами (изготовление мостов, кладок по мертвом - в связи с которыми, очевидно, находится др.-русск. КЛАДА 'погребальный костер'; отправление вещей умершего по воде; сев-зап. болг. помана и под.) и в лексике: укр. мавки, болг. навяци, др.-русск., ст-болг. НАВИ 'умерший', 'загробный мир', дериваты этого корня, связанного с и.-е. *nav- 'корабль': Навской (Номской, Навский) день; навья кость, орл. навья проводн 'летние поминки', похороны. О той же связи смерть ~ вода (путь через воду) говорят общие для 'гроба' и 'ладьи' термины: полес. дуб, влад. колода 'гроб', 'лодка' русск. диал; такие обозначения 'кончины' как полес. брод 'агония' и многие другие лингвистические и фольклорные факты. Другая метафора пути: вода - мост - огонь репрезентирована в обрядовых актах сжигания вещей, в поминальном разложении огней на могиле или во дворе, в возвращении с кладбища через огонь (серб.-лужиц) и др. Лексическое выражение

она находит в терминах др.-русск. ПЬКЛО, укр., блр. пекло, болг. пькъл 'загробный мир', ад, витеб. пикельники 'грешные предки'; прегорялка болг., польск. zgro 'саван' и др. Третья метафора пути - лестница - гора: печение обрядовых поминальных лэсе-нок, по которым "душа всходит на небо" (воронеж., моск. и др.), представление о карабании на стеклянную гору (мотивация вкладки ногтей в гроб). Четвертая метафора пути: дерево (об этимологической связи "дерева" и "дороги" - *der-ъ-, *dor-gъ- - писал Иванова, М.Топоров). В обрядовой лексике эта метафора представлена такими терминами, как русск. дубу дать, блр. глядэць на дуб (ў дуб), суходэрец 'покойный'; в терминологии гроба: полес. дуб, смол. поддубена и пр., закарп. деревище, 'игры при покойном' и др. В каждой из перечисленных метафор мы имеем синкретическое слияние значений пути и цели, дороги и 'загробного мира', который может быть воплощен у славян в образах волн (навь, остров Буин в океане - ср. олонец. буева, буявка 'могила'), огня (болг. пькъл), горы (неба, места обитания птиц), дерева (рай). В любой из своих репрезентаций путь, который моделирует погребальный обряд, противопоставлен блужданию "нечистых" покойников (лишенных нормального обряда), как прямой, невозвратный, достигающий цели; ср. такие обозначения умерших "не своей смертью" как блр. звихлэнники, сланяюцца па разному статку, ходят, полес. ходят ву-пóром, снүются.

Тема дома ("нового дома") столь же существенна для погребального обряда, "кодом" которого в целом наравне со свадьбой может быть избран обряд новоселья (погребальные плачи), переезда в "горенку без окон" (сев.-русск.), укр. нову хату, серб. лед-на кућа. Эта тема отражается, прежде всего, в терминологии гроба и могилы: домоўка, домовище, хоромина, кьща, болг. от него-вата кьща - угощение из гроба, орл. домой 'на кладбище', смол. покутье 'кладбище' при русск. диал. 'красный угол' и под.

В предметно-действенных планах обряда символ дома воплощается в ритуале строения нового дома - гроба (часто имитирующего жилище, вплоть до окна у плеч (сев.-русск., гуцул.) и иконы в головах; в устройстве "моделей дома" над могилой (сев. голубиц, струбиц, полес. прихором).

Наряду с тремя описанными выше темами, специфическими именно для погребального обряда и обозначенными как Θ сопсг., раз-

бираются некоторые другие символы, общие для многих славянских обрядовых, фольклорных и лингвистических контекстов. Это темы: смерть ~ темнота (невидимость, слепота) - см. такие термины обрядовых актов, как полес. святища, укр. карп. йти со свічкою (свет в самих этих актах противопоставлен темному пути умершего). Невидимость же рассматривается как признак, перекрывающий оппозиции: близкий/далекий, верх/низ, земля/небо, земля/преисподняя, по которым распределяются логически несоединимые представления славян о пространственном расположении загробного мира (каким его изображают обрядовые акты, напр., кормление могилы, отправление вещей по воде, отправление душек на небо, представление об обитании их в печи и т.п.). ☿ смерть ~ сон: "сны забудущие" (сев. плач), "просонье вековечное", ср. укр. спочити, цсл. усóпшии, болг. диал. пучивалу 'гроб' и др. ☿ смерть ~ холод (зима), смерть ~ опьянение и др. Рассматриваются некоторые териоморфные и растительные символы смерти: змеи (ср., напр., др. русск. убоже - домовая змея), птицы ("пташка подземельная" 'смерть' в причети), в частности, кукушка, утка; бабочка, пчелы и др.; мак, лен, зерно, мед; цветовая символика (красный, белый). Интерпретируются актуальные для погребального обряда славянские представления о теле (в частности, символика рук, ног, мизинца, пятки, ногтей, волос) и душе (обозначения 'души' ~ *vis vitalis* - переносятся на лексику 'умерших', часто в суффиксальном оформлении: душки, душонки, душечки, и поминальных дней: задушные, польск. zaduszne, болг. задушнице и др.). Выказывается гипотеза об архаическом представлении двух воплощений *vis vitalis* у славян: болг. духо и душé, укр. душá и сянка (тíнь, блр. ма́ра), русск., блр. душá и па́ра, причем принцип их противопоставления неотчетлив. Душá во всех этих парах воплощает более "высокое" начало, духо, дух, сянка, па́ра - более "телесное"; тень, отражение, подобие; ее предметным символом служит мерка человека (resp. рост: ср. многочисленные обрядовые акты с меркой умершего); ей семантически соответствует возраст (ср. роль сверстника в обрядовых актах). Таким образом, в представлениях о душе-паре-двойнике засвидетельствован архаический комплекс век-рост-возраст. Обсуждается также проблема противопоставления "своей" и "не-своей" смерти в позднейших обрядах на фоне более древнего представления о всякой насильствен-

ной смерти как "не-своей", лишавшей умершего права на погребальную почесть и превращающей его в "ходячую нечисть", воплощение "самой смерти" (укр. опир, блр. вупор, болг. вампир, вѣпѣр, депир, русск. уиць - ср. летописн. русск. ХПИРИ, русалка, укр. мавка, србхрв. вјештица; болг. устрел, укр. поторо́ча, потѣрча, змітчата, збіглієята некрещенные дети). Описывается эволюция этого представления, стирающая противопоставление "чистой" и "нечистой" кончины, причем наиболее "нечистые" в архаическом представлении виды кончины приобретают статус "святых" (смерть от грома и пр.). Вместе с тем, за противопоставлением "своей/не-своей смерти" (известным как индоевропейским традициям, так и за их пределами, в т. наз. "примитивных культурах"), можно предположить изначальное неразличение и восприятие в с я к о й смерти как "не-своей". С наибольшей яркостью это показывают славянские данные, касающиеся лексики 'всех умерших' на календарных поминках, особенно дериваты слав. *dǣd-. Во всех славянских языках дериваты этого корня обыкновенно означают: 1. 'всех умерших' (причем "своих", не "заложных"), 2. 'поминальные обряды осенне-зимнего цикла': полес. диди править, блр. диди, дзядзи, польск. dziady, ярал., волог., вят., костр., нижегор. дедовая неделя, укр. суботи дидивни, полес. першие (другие и т. п.) диди, дедовица, блр. Тройчанне, мяснѣ диди и т. п. Как и др.-русск. НАВИ, деди могут обозначать 'загробный мир': полес. с дедами гуляет, пошел до дедов умер; костр. к дедушке под бок. Терминология поминальных дней, включающая дериваты *dǣd-, тяготеет к осенне-зимнему циклу, который может быть генетически связан с "рожаничными трапезами" (в весенне-летнем поминальном цикле, сохранившем реликты "тризны по заложным", употребительны дериваты nav-: полес. "Намска Труйца" и под., получившие в славянских языках отрицательную коннотацию (ср. болг. нави, навѣци 'вампиры' разных видов). Тем не менее, дериваты *dǣd- в славянских языках связаны и с обозначением 'нечистой силы': водяные деды и прадеды, укр. дидько - 'владелец кладбища, первый покойник', противопоставленный Богу; укр. карп. видлати Богови душу, а дитькови с...., русск. диал. дед - 'знахарь', колдун, 'водяной', черт, русск. дедушка, болг. дядо - 'домовой'. На основании устойчивого узуса слова дед и бабушка в прямом значении могут табуироваться как "чертовские". Наконец, полностью смешивая разграничения "своих" и "заложных", болг. пирин. дядо, болг. гъмюрдж. деделар означают

'вампира'. Таким образом, славянские языки не располагают таким обозначением умерших, которое не имело бы прямой или косвенной отрицательной коннотации.

В связи с этим рассматривается отношение славянского "культы умерших" с персонажами низшей демонологии (русалка, унырь, устрел; домовой, овиняник, бука, ригачник, воляной, межник, полудница, полес. пара дух кладбища, русск. встречник, вихрь) и такими природными стихиями, как гроза, град, засуха, заливные дожди.

Вторая глава посвящена акциональному плану обряда, его составу, структуре и функциям (и, соответственно, лексике обряда в целом и его отдельных актов).

Состав обрядовых актов-фраз суммирует схема, включающая 137 отдельных актов с их терминологией. Схема демонстрирует как состав-максимум обрядового текста, так и состав-минимум (акты, отмеченные во всех локальных вариантах). Обсуждается временное членение обряда (3, 12, 40 дней или 6 недель; год, 3, 5, 7 лет поминальных действий) в связи с числовой символикой славян. Однако основным принципом членения обряда избирается пространственный, поскольку погребение, как переходный обряд, моделирует переход, путь, перемещение смерти из дома на кладбище через ряд промежуточных локусов. Дом и кладбище как полярные локусы обряда не только противопоставлены, но и обличены в своем мифологическом значении (см. выше, о символе дома).

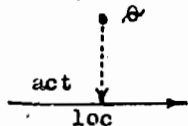
Пространственно осмысливается функциональная направленность обрядовых актов. На основании представления о границе между "областью жизни" и "областью смерти" выделяются три основных функциональных группы обрядовых актов: I. Направленные на разрыв границы жизнь/смерть. Цель их - помочь умершему в достижении онного света (хлеб на дорогу, болг. пари за превоз и под.). II. Направленные на восстановление, укрепление границ жизнь/смерть, нарушенной вторжением смерти в область живых. Адресат их - живые. Это, в основном, группа катартических и профилактических актов (заковать смертьта, смыть след и под.); III. Направленные на установление контакта через границу жизнь/смерть. Следствием контакта

должно стать шлюдородие и изобилие, посылаемые из "области смерти" (идея "плодотворящей смерти"): акты типа обонек. коровка по-кoйнику, укр. подаўник и другие виды гнластических актов-жертв.

На основании доминирования одной из трех перечисленных функций мы пытаемся интерпретировать локальные варианты обряда, расширяющие одни элементы его текста и редуцирующие другие. Выявляется некоторая закономерность в сочетаемости элементов этого текста. Так, болгарский и западно-украинский обряд в сравнении с северно-русским усиливают II функцию (смеховые элементы в карпатском варианте - лубок, маланка, деревище - игры при мертвом; про-филлактическая магия в болгарском варианте - "лекуване" тела), причем редуцируют элементы присутствия "души" на поминальной трапезе и диалога с ней, характерные для русского Севера (который, в свою очередь, значительно слабее имитирует свадьбу на похоронах незамужних-неженатых).

Далее рассматриваются конкретные воплощения "границы" в обрядовых актах и типы пространственных операций. В итоге второй главы предлагается формула "ядерной" обрядовой фразы, воплощающей одну из Φ содержательного уровня и состоящую из таких элементов, как "акция" и "локус" (act. и loc.).

Φ - доля, деление;

act - раздача жертв; loc - кладбище.

Конкретизация формулы с включением в нее исполнителя акта, агента (A_g) и обрядовой реалии (R) проводится, соответственно, в III и IV главах.

Третья глава описывает исполнителей обрядовых актов и их функции, исходя из схемы обряда как примитивного "действия", диалога между двумя "партиями" участников (аналогичными свадебным "партиям" жениха/невесты). С особой наглядностью структуру диалога выявляют архаические игры при покойном, известные на украинских и словацких Карпатах, а также у сербов (серб. игре, укр. забави при вмерци, лопатки, свiчiня и др.). Разделение участников на две группы ("со стороны живых" и "со стороны умерших", делов) своеобразно: участники не закреплены в какой-либо из групп и в ходе обряда переходят из одной в другую. В каждом отдельном акте дающий представляет сторону живых, принимающий - замещает

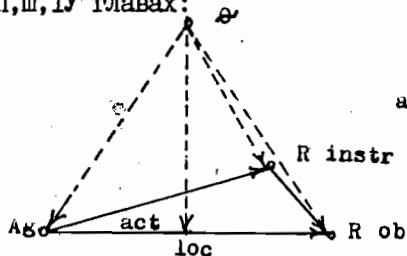
умерших: болг. комп. "на тоз свят твоя да бъде, на негов свят - негова". Характерно при этом положение умершего между дающим и принимającym, что отвечает его статусу в обряде как гостя (блр. госьцик почасный, болг. "гостенин на Страшния съд"), как в "области живых", так и в "области умерших". В большинстве обрядовых актов, которые могут быть описаны в категориях брать-давать или не брать - не давать, семантика взаимности распределена между двумя участниками, при этом дающий и берущий противопоставлены по ряду признаков: родной/чужой, богатый/бедный, женщина/мужчина, молодой/старый, взрослый/ребенок, знакомый/незнакомый. "Сторону умерших" представляет обыкновенно нищий, незнакомый, чужой, старый, неженатый, ребенок. Характеристика исполнителя (Ch) (как перечисленные выше нищета, старость и т.п.) расположена ближе к содержательному уровню и предопределяет выбор конкретного лица для исполнения того или иного акта. В кругу терминологии участников обряда следует отметить множество "пустых мест", функций, для которых нет именованний, предпочтение перифрастической конструкции типа укр.гуцул. "тата жонка що заводила" при почти полном отсутствии *nomen agentis*.

В четвертой главе, посвященной предметному плану обряда (в частности, поминальным кушаньям и профилактическим предметам) описывается та же проблема отношений характеристика предмета: предмет, которая здесь значительно сложнее, чем в отношении обрядового агента. Ряд характеристик, таких, как четный/нечетный, белый/красный, деревянный/железный перекрывают семантику отдельных реалий. В других случаях наблюдается семантическое равноправие предмета и его характеристики (напр., забытый относится к семантике смерти: забытый в печи хлеб, полес. забутько, забутой и забытая при посеве полоса льна-обсеv (костр.) толкуются как приметы смерти; однако и выбор предметов с характеристикой забытый релевантен - и лен, и хлеб теснейшим образом связаны с символикой смерти). Наконец, в обряде участвуют реалии, символично-магическая семантика которых неразложима на отдельные характеристики (печь, веник, кутья и др.). Разные аспекты символической семантики реалии актуализируются в зависимости от ее "синтаксической позиции" в обрядовой фразе (является ли она объектом магии -R ob или магическим средством -R instr). В связи с контекстуальным значе-

нием описана роль хлеба, а также других поминальных кушаний: русск. кутья, укр. кутя, кiтя, блр. куня, болг. сита, ^{бля}сита; ко-лево, болг. колво; ^{русск.}кисель, звар, узвар, канун; укр., блр. ка-на, кануна и менее характерные для позднейшего времени, но традиционно поминальные мед, мак, бобы (полес. буб), орехи, яйца (яешня). Анализируются общие характеристики других кушаний, употребляемых на поминках и варьирующихся в локальных традициях: обилие, преизбыток; чет, нечет или другие числовые предписания относительно числа блюд (блр. страв) на поминках; постное/скоромное, сладкое, горячее(вареное)/холодное.

Рассматривается также сфера профилактических предметов (нейтрализующих воздействие смерти). Сфера катартики и профилактики вообще принадлежит к наиболее варьирующимся в локальных текстах компонентам обряда, здесь мы имеем самую богатую функциональную синонимику разных реалий; так одну функцию (блр. заховать смерть) могут выполнять: хлеб (зерно, тесто), вода, топор, гвоздь, камень, квашня, кочерга, свеча, холст, яйцо (вещи, полагаемые на место умершего).

Полная формула обрядовой фразы обобщает анализ, проведенный в II, III, IV главах:

ϕ - хлеб ~ доля; -Ag - хозяйка;

act - посыпание; R ob - лавка умер-
шего;
R instr -
зерно; loc - дом.

Характернейшее свойство фразы - информационная избыточность, тавтологичность. Один символ может быть выражен сразу несколькими компонентами фразы: агентом, действием и реалией; например, семантика 'пресечь дорогу смерти' может быть выражена помещением топора - или ударом о дорогу любым "нерубящим" предметом, но акт перерубания топором дороги, используя действие и реалию одной семантики, удваивает выразительное средство; та же избыточность может наблюдаться относительно агента и акта, предмета и его характеристики и т.п. Такой принцип построения фразы является частным проявлением общего композиционного принципа обряда: ср. семантически важный повтор одной фразы в тексте обряда (чаще всего, утроение при

полной или варьирующей редупликации одного акта), композиционный принцип на низывания семантически близких образов в обрядовой причете и характерные для нее *figura ethymologica* ("порода родовитая"). Усиливающий повтор как композиционно-синтаксический принцип обрядового текста (свойственный также повествовательному вербальному мифу) глубоко содержателен: он, по мысли К.Леви-Стросса, выявляет парадигму внутри синтагмы, способствуя восприятию мифа (в нашем случае, обряда) как "третьего" относительно дихотомии язык / речь или система / текст.

Пятая глава посвящена анализу собственно обрядовой лексики, классификации ее метафор, выявлению этимологической семантики отдельных лексем, сохраненной в обрядовой терминологии благодаря ее архаизирующей тенденции.

Специфика лексики и фразеологии погребального обряда состоит, с одной стороны, в параллелизме лингвистического и экстралингвистического планов (как уже отмечалось), с другой стороны - в их своеобразном расхождении. Прежде всего, расхождение выражается в относительной бедности терминологии, обилии "пустых мест" в поле обозначения обрядовых актов и реалий. Бедность терминологии мотивирована на содержательном уровне обряда. Первую и основную мотивировку составляет табуирование обозначений 'смерти' и всего, что с ней связано (основанное на отождествлении имени и его носителя). В течение обрядового времени (особенно периода до погребения) табуируется нейтральное "умерший", "мертвый" (такие дериваты **m.rēti*, *umirati, как русск. мертвец, укр. мэрц, блр. мрец, мерлець, болг. умирачка, чешск. mrtvola и под.): вместо него употребляются эмоциональные эпитеты (болг. горкия, горката) или эмоционально окрашенные существительные (болг. сиромашът, клетникът) или именованя типа укр. карп. тіло, кіло. Вероятно, с первым типом заместительных именованій связаны распространённые в разных славянских языках дериваты bog - (см. выше), где предметное значение 'нищеты' сопровождается сильной эмоциональной коннотацией, порой вытесняющей само предметное значение (ср. русск. бедный). Табуированы термины родства, причем заместительная лексика их представляет устойчивую систему. В этом отношении терминология проводит общую тенденцию обряда: скрывает реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, сделать

смерть ритуально оформленной, преобразованной, "человеческой" (ср. блр. лицка смерць и похова; термины обряда, соотносённые с корнями, обладающими семантикой 'скрыть', 'забыть': др.-русск. ПОТАИТИ, ПОГРЕСТИ, СПРАТАТИ, ОПРАТАТИ (собрать), русск. похоронн, сев.-русск. хути́ти, укр. похова, ховати и т.п.).

Вторая мотивировка бедности обрядовой терминологии погребения - представление о безличности и безимянности умерших в загробном мире. Лексику 'умерших' в славянских языках составляют дериваты весьма немногочисленных корней (god-ъ ded-, duš-, nav-), которые обозначают 'всех умерших' безразлично к их полу и возрасту: родичи, цзядн и под. Характерна грамматическая форма этих терминов: *pluralia tantum*, или собирательные существительные типа орл. навьє, полес. родина, родзена мэрла.

Другая специфическая характеристика обрядовой лексики погребения - это ее прозрачно метафорический характер. Метафоры заместительной лексики непосредственно связаны с содержательным уровнем обрядового текста. Иллюстрируют эту связь (порой ведущую к трансэтимологизации и фонетическому преобразованию слова) два этюда о терминах погребального обряда: полес. брод 'агония' на фоне значения brodъ и его производных в славянских языках в связи с темой смерть~вода, смерть~путь; блр. громничная (грумничная) свеча в связи с темой грома и смерти от грома в погребальном обряде (ср. укр. маланка 'игра при умершем', болг. устред 'вампир', первое значение 'удар грома').

Анализ обозначений "своей/не-своей смерти", а также "чистых" и "нечистых" покойников подтверждает категоричность разделения умерших на "предков" и "заложных" и несопоставимость этого разделения с оппозициями благой/злой, свой/чужой. Метафоры, связанные с темами содержательного уровня, представляет следующая таблица:

Тематические группы метафор

Избранные примеры лексики и фразеологии:

I. Метафоры, связанные с общими темами содержательного уровня:

I. доля

нябощик, чужой век заедать

2. путь

пътнина, подорожна, йти до кадигробів, погостье

3. дерево	деревице (гроб), глядець ў дуб
4. вода	колода (гроб, лодка), навки
5. дом	домовищечко, хоромина, къща (гроб)
6. сон	спочити, усопший, БЪДНЪ, БЪДЕЛНИКЪ
7. зима (холод)	греть поминки, ледна куѣа
8. низ	дол (могила), пропастина (смерть)
9. тьма	свитицца, сліпий мак
II. Метафоры, связанные с другими обрядами:	
10. свадьба	дружби
11. святки	корочун пришёл
12. магия	урочное место

Следствием метафорического характера терминологии является отсутствие резкой грани между "чистым термином" и "поэтическим термином", а также иносказанием загадки (ср. русск. домовище - "чистый термин" гроба при поэтическом образе причети: "Пятисте-ночѣк рубится..." и иносказании загадки: "домок в шесть досок").

Как отмечалось, метафорический термин обряда является интерпретирующим. При этом возможны следующие типы интерпретаций:

1. Нулевая. Термины типа укр. кѹпане (омовение тела), болг. ночевать (проводить ночь при покойном), болг. вие, извива 'причитает' (букв. 'ведѣт мелодию'), полес. гом. каша - поминальное кушанье; болг. пита 'поминальный хлеб'; русск. ящик, новг. ларь, болг. сандѣк 'гроб' описывают обрядовый акт и обрядовую реалию как нейтральную, не имеющую в себе ничего специфически погребального. Естественно, нулевая интерпретация несѣт свою семантическую нагрузку: это термины-эвфемизмы.

2. Адекватная. Термин относится к тому же содержательному мотиву, что воплощен в обрядовом акте или реалии: напр., укр. посвѣтини - 'ночь со светом при покойном'.

3. Дополнительная. Термин соотносится с иной, чем названный им обрядовый акт, содержательной темой. Так обстоит дело с минск. побужаць могилу. Аргументацией в пользу понимания того или иного термина как дополнительно интерпретирующего может служить вариатность интерпретирующих терминов одного акта. Так, тот же акт (минск. побужаць могилу) может именоваться блг. прельиѣ, калуж. проговорить зору, пенз. кормить могилу. В каждом из приведенных терминов акцентирована разная семантика акта.

В "Заключении" суммируются сквозные мотивы погребального обряда, которые наглядно может представить следующая таблица:

Планы обрядовой реальности	Примеры темы "дерево"
Акциональный план	Действия с кладбищенским деревом; закидывание могилы ветками; игра в дерево на "лубке"
Предметный план	Дерево как исключительный материал гроба; надгробия в форме дерева
Терминологический план	<u>деревице</u> , <u>поддубена</u> 'гроб', <u>глядзецъ ѿ дуб</u> 'собираться умереть'
Поверья, снотолкования	"Лесов много нападает в то-рок - людей много в тот год по-мрёт"; Сны о срубленном дереве, о том, что дерево несут мимо окон, - к смерти

В целом материал славянского погребального обряда иллюстрирует идею о принципиальном дуализме славянских языковых моделирующих систем, сохраненном и в позднейшей традиции, и при этом показывает неустойчивую фиксацию каждой из бинарных оппозиций, перемены оценок противоположных членов, ситуации неразличения полюсов, что относится и к самому фундаментальному противопоставлению обряда - жизнь/смерть.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Поминальные дни и статья Д.К.Зеленина "Древнерусский языческий культ заложных покойников". - В кн.: Проблемы славянской этнографии (К 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д.К.Зеленина). Л., "Наука", 1979, с.с. 123-130. (0,6 п.л.).
2. Содержательность вариаций обрядового текста (восточнославянский погребальный обряд). - *Valkano - Balto - Slavica*. Симпозиум по структуре текста. Предварительные материалы и тезисы. М., 1979, с.с. 85-87. 0,2 п.л.
3. Пространственный код погребального обряда. - Структура текста - 81. Тезисы симпозиума. М., 1981, с.с. 70-72. 0,2 п.л.
4. Полесское брод 'агония' и связанные с ним обрядовые представления. - Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конференции. М., 1983, с.с. 78-81. 0,1 п.л.
5. Материалы к описанию полесского погребального обряда. - В кн.: Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., "Наука", 1983, с.с. 246-262. 1,2 п.л.
6. Метафорическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю. - В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., "Наука", 1983, с.с. 204-221. 1,5 п.л.
7. Память слова. - "Знание-сила", 1975, № 10, с. 27-29. 0,6 п.л.

Заказ №44 Тираж 100экз. Печ.л. 1

Ротапринт ОМГР и ВП ЦНИИЭП жилища

